

ПЕТЕРБУРГСКИЙ МЕЖДУНАРОДНЫЙ ЭКОНОМИЧЕСКИЙ ФОРУМ

21—23 июня 2012 г.

Цикл встреч с лидерами «Беседы, меняющие мир»

ГЕОПОЛИТИЧЕСКИЕ ВЫЗОВЫ XXI ВЕКА

21 июня 2012 г. — 15:00—16:15, Павильон 8, Зал 8.2, Инновационный зал

Санкт-Петербург, Россия

2012 г.

Модератор:

Сергей Брилев, Заместитель директора, телеведущий, телеканал «Россия»

Выступающие:

Генри Киссинджер, Американский государственный деятель, дипломат и эксперт в области международных отношений, лауреат Нобелевской премии

Евгений Примаков, Дипломат и эксперт в области международных отношений, академик Российской академии наук

С. Брилёв:

Добрый день. Для тех из вас, кто живет вне России или перестал смотреть телевизор, что иной раз объяснимо, скажу, что меня зовут Сергей Брилёв, я работаю на телеканале «Россия», и меня попросили провести сегодня самое удивительное, на мой личный взгляд, мероприятие нынешнего Санкт-Петербургского экономического форума. В нем участвуют люди, представлять которых глупо и бессмысленно, потому что их знают все, так что я ограничусь рассказом из нашей профессиональной жизни.

И Евгений Максимович Примаков, и Генри Киссинджер являются кошмарами для ассистентов режиссеров, которые ответственны за титры, потому что ни один технический шаблон титров не вмещает все их титулы. По этой причине некоторое время назад мы прекратили титровать Евгения Примакова и Генри Киссинджера с должностями и пишем просто: «Евгений Примаков» или «Генри Киссинджер». Хотя, в принципе, думаю, что мы не нарушили бы законов морали и этики, написав: «живые легенды».

Нам предстоит разговор о геополитических вызовах 21 века с людьми, которые в известной степени сформулировали их в веке 20-м. У нас будет и небольшая видеопрезентация, но сначала я хотел бы предоставить слово нашим гостям, и начнем мы именно с гостя Российской Федерации.

Господин Киссинджер, прошу Вас начать свое выступление. Затем настанет очередь господина Примакова, а после него — всех остальных. Господин Киссинджер, Вам слово. Микрофон перед Вами.

Г. Киссинджер:

Прошу прощения, я не слышал, как меня столь красноречиво представляли.

С. Брилев:

Да, я сказал много лестных слов в Ваш адрес.

Г. Киссинджер:

Для меня большая честь присутствовать здесь вместе с господином Примаковым, с которым мы знакомы уже несколько десятков лет. Иногда мы с ним оказывались оппонентами, но всегда оставались добрыми друзьями. Я считаю, что крайне важно поддерживать дружественные отношения между США и Россией. Предлагаю вкратце перечислить обсуждаемые сегодня проблемы, а затем приступить к дискуссии, которой будет управлять наш модератор. Сегодня мы являемся свидетелями колоссальных перемен. Одни стали следствием естественного развития государств. Другие — следствием фундаментального изменения самой природы межгосударственных отношений. Третьи порождены противоречиями между процессом глобализации и формами, в которых сегодня существуют международные организации. Четвертые — характером современных технологий и вооружений. Пятые происходят из-за смещения геополитического центра тяжести из Атлантического региона в Азию. Полагаю, что для оценки этих изменений лучше всего послужит диалог между нами, а не мой доклад. Еще раз благодарю за то, что пригласили меня сюда. Данный форум — уникальная возможность лишней раз побывать в этом уникальном городе.

С. Брилев:

Господин Киссинджер, перед тем, как я приглашу к микрофону господина Примакова, позвольте мне добавить пару слов к Вашему выступлению. Происходит не только смещение геополитического центра тяжести из Европы и Атлантического региона в Азиатско-Тихоокеанский регион. Россия и Соединенные Штаты снова начинают играть важную роль в геополитике. Поэтому, хотя противостояние между СССР и США осталось в прошлом, сегодня, говоря о XXI веке и будущем мира, мы опять упоминаем эти две страны, что делает нашу встречу крайне актуальной.

Е. Примаков:

В отношении меня Вы можете командовать. Мы сейчас были на пленарном заседании, и там Вы никому не говорили, чтобы выступали покороче. Но хорошо. Я скажу действительно несколько слов.

Я очень рад, что встречаюсь с Генри Киссинджером, моим собеседником, коллегой, другом в течение уже многих-многих лет. Очень хорошо, что это не Збигнев Бжезинский. Я должен сказать, что согласен со многими Вашими высказываниями, заявлениями. Я читал Ваши последние статьи, они всегда интересны. Вы всегда подчеркиваете, что отношения между нашими государствами очень важны — я полностью с этим согласен. Вы подчеркиваете (Генри, из-за краткости Вашего выступления я Вам, так сказать, помогаю), что концепция взаимного сдерживания устарела, она должна остаться в прошлом, во временах Холодной войны. Вы подчеркиваете необходимость нераспространения ядерного оружия, чтобы оно не попало, как Вы пишете, «в плохие руки». Я с Вами полностью согласен.

Но как этого добиться? Очевидно, нам нужно сделать все для того, чтобы шел, пусть и медленно, процесс движения к безъядерному миру. Сейчас очень важно, чтобы к нашим двусторонним отношениям в этом плане подключились Китай, Англия и Франция. Мы уже дошли до такой точки, когда очевидно, что это в ближайшее время необходимо.

Если говорить о нераспространении ядерного оружия, то договор, который подписан очень многими, не превратился в панацею — можно это констатировать. Думаю, что нужны новые идеи, а некоторые новые идеи — это хорошо забытые старые. Я имею в виду безъядерные зоны. Сейчас нам очень важно работать в плане создания двух безъядерных зон — на Ближнем Востоке и на Корейском полуострове. Ясно, что и там и там находятся государства, которые уже владеют ядерным оружием и участвуют в конфликтах. Нам сейчас очень важно сделать все, чтобы эти безъядерные зоны существовали.

Что мешает развитию наших отношений? Вот мы с Вами всегда находим общий язык. Я уверен, что и наши президенты находят общий язык. Но потом

дело иногда ограничивается просто высказываниями, разговорами. Сейчас я бы хотел сказать, что у нас очень подозрительное отношение — Генри, Вы должны это знать — к тому, что Соединенными Штатами создается глобальная система ПРО, и элементы этой системы — у наших границ. Я думаю, что всем нужно понять корреляцию между созданием такой системы и процессом образования наступательных стратегических ракетно-ядерных средств. Может быть, кто-нибудь в Соединенных Штатах полагает, что нас втянут таким образом в гонку вооружений и что мы будем вынуждены тратить огромные деньги на это дело. Советский Союз перестал существовать, и одной из причин тому было, конечно, как мне представляется, то, что он был вынужден втягиваться в гонку вооружений, чтобы достичь паритета. Однако сейчас обстановка другая. Мы уже начнем не с нулевой отметки, и не надо этого делать.

Вот и все, больше я уже ни о чем говорить, по существу, не буду — просто отвечу на вопросы. Но еще раз хочу подчеркнуть, что я очень рад с Вами увидеться здесь, в Москве. Вы пригласили меня в Америку — я буду рад приехать.

С. Брилёв:

Евгений Максимович, спасибо большое за последнюю ремарку. В эти дни как раз отмечается трехсотлетие переезда столицы из Москвы в Петербург: как бы они обошлись без наших преображенцев и семеновцев?

У нас есть дополнение в виде некоего видеопакета, подготовленного организаторами Форума и агентством Bloomberg, где они пытаются артикулировать те вызовы, которые, может быть, еще стоят. В известной степени, наши сегодняшние гости уже всё сформулировали; тем не менее, давайте посмотрим. Все-таки телевидение — оно и про картинки тоже.

<Видеоролик:>

Социальные, политические и экономические проблемы касаются всех нас. Они влияют на стабильность обстановки в мире. Они могут спровоцировать мировой кризис и являются источником международных конфликтов. Возьмем Ближний Восток: ядерная программа Тегерана порождает непрекращающиеся слухи о возможном израильском ударе по Ирану. Какую роль в решении этой проблемы сыграют крупнейшие державы? Турция, основной союзник США в регионе, ясно определила свою позицию. Премьер-министр Эрдоган предупредил, что удар со стороны Израиля будет иметь катастрофические последствия для Ближнего Востока. Между тем, из-за «арабской весны» в регионе царит неопределенность. Египет не может выйти из политического тупика, в Ливии деятельность нового правительства парализуется соперничеством различных политических сил, в Сирии продолжаются внутренние беспорядки. Международное сообщество безрезультатно пытается выработать единую позицию по этому вопросу. Проблемы существуют и в Азии. Рост экономической и военной мощи Китая беспокоит соседние с ним страны, а приход к власти в Северной Корее нового руководства знаменует начало очередного периода напряженности на Корейском полуострове. Отношения между Индией и Пакистаном улучшились, однако все еще остаются натянутыми. Аналитики уверены, что любой террористический акт в Индии, подготовленный на территории Пакистана, может спровоцировать вооруженный конфликт.

Экономические факторы также могут привести к нестабильности в мировом масштабе. Китайское правительство продолжает готовить экономику страны к «мягкой посадке». Принятые на сегодняшний день меры оправдали себя, однако более стремительное, чем ожидалось, снижение темпов роста, может свести на нет усилия по восстановлению экономики США и углубить финансовый кризис в Европе, что, в свою очередь, усугубит глобальные экономические проблемы. Стратегии преодоления долгового кризиса, разрабатываемые в Европе, оказывают определяющее влияние на положение в мировой экономике. Распад еврозоны может спровоцировать кризис на всем

континенте — еще более глубокий, чем кризис 2008 года, и это отразится на всех сверхдержавах. Есть также риск, что протекционизм вызовет трения между сильнейшими в экономическом плане странами — как с развитой, так и с развивающейся экономикой. Это может разрушить систему, в последние десятилетия обеспечивавшую глобализацию экономических отношений и процветание многих стран. Ситуацию усугубляют и другие проблемы — в частности, проблема изменения климата и проблема энергетической безопасности. Чтобы достичь широкого консенсуса по этим вопросам, требуется активное международное сотрудничество. Для решения вышеуказанных проблем необходимо сотрудничество между всеми странами мира, а также наличие творчески мыслящих лидеров, способных к успешным действиям. Вопрос заключается в том, как мировые лидеры планируют противостоять трудностям. Это нам и предстоит выяснить.

С. Брилёв:

В действительности к анализу, который представили коллеги из Bloomberg, можно было бы, наверное, кое-что добавить. Например, о нескольких десятках несостоявшихся государств (я в данном случае не боюсь преувеличить) в Африке, которая вообще не была здесь упомянута. Но я хотел начать разговор с того, что сейчас у всех на устах.

Кстати, по иронии судьбы — вы обратили внимание? — на презентации там, в большом зале, когда мир начал разворачиваться, было такое ощущение, что откуда-то взлетаешь и видишь весь мир. И вот, если проследить взглядом, казалось, что это взлетает иранская баллистическая ракета. Seriously, взлет был как раз из Персидского залива.

Мой первый вопрос доктору Киссинджеру: что может убедить Иран отказаться от, судя по всему, имеющихся у них амбиций заполучить ядерное оружие, если он наблюдал, как эффективно именно ядерным оружием Советский Союз и Соединенные Штаты сдерживали друг друга в течение десятилетий и не

допустили войны? Ведь как бы цинично и ужасно это ни звучало, но не будь ядерного оружия — и году где-то к 1946-му началась бы война.

Г. Киссинджер:

Стратегия взаимного сдерживания путем устрашения, на которой основывались отношения между Советским Союзом и Соединенными Штатами, была достаточно эффективной. Тем не менее, это было балансированием на грани приемлемого. В мою бытность государственным секретарем меня больше всего заботило следующее: что я скажу президенту Соединенных Штатов, если он сообщит мне, что все дипломатические способы урегулирования отношений между США и СССР исчерпаны и единственным выходом остается ядерная война? Это привело бы к сотням миллионов жертв. Невозможно создать стабильную систему международных отношений, если вы готовы в любой момент вызвать подобную катастрофу.

Если говорить о Советском Союзе и Соединенных Штатах, то расчет рисков в обеих странах был более или менее одинаковым, и в критической ситуации каждая неизменно делала тот шаг, который отодвигал человечество от края бездны. Это было возможно, так как СССР и США могли защитить свое ядерное оружие. Они были способны установить системы оповещения и принять другие меры безопасности, чтобы предотвратить необходимость мгновенной ответной реакции. Но теперь ядерным оружием обладают многие страны, и система взаимного сдерживания может не сработать. Во-первых, руководство отдельных стран может с большей легкостью принять решение о применении ядерного оружия; во-вторых, слабость систем оповещения и защиты ядерного оружия увеличивает соблазн нанесения превентивного удара; в-третьих, США и СССР в какой-то момент установили ограничения на враждебные действия друг против друга. Эти факторы не действуют, если брать, к примеру, отношения Ирана с соседними странами. Баланс вооружений и взаимное сдерживание в этом случае невозможны. Следует учитывать и еще одно обстоятельство: когда многие страны имеют ядерное

оружие, не будет соблюдаться баланс даже между крупнейшими ядерными державами, поскольку обладатели этого оружия смогут переходить из одного лагеря в другой.

Новым обстоятельством является то, что сегодня ядерная война между Соединенными Штатами и Россией невообразима. Не представляю себе такого спора между этими двумя странами, который мог бы привести даже к угрозе применения ядерного оружия. Я соглашусь с моим другом относительно того, что к процессу сокращения стратегических ядерных вооружений, идущему сейчас, на каком-то этапе должны подключиться остальные ядерные державы. Проблема же иранского ядерного оружия должна решаться исходя из того, что на протяжении десяти лет постоянные члены Совета Безопасности не раз заявляли о неприемлемости его создания. Если мы дадим свое согласие на это — пусть даже скрытое, неявное, которое позволит Ирану каким-то образом выполнять военную ядерную программу, — надежность всей системы будет подорвана.

Но какие гарантии мы можем дать Ирану, и что может заставить Иран дать необходимые гарантии? Когда Иран действует как суверенное государство, Америка не имеет к нему никаких претензий. Если Иран полагает, что нуждается в ядерном оружии, поскольку Америка может напасть на него, ему могут быть предоставлены любые гарантии. В этом суть проблемы. Конечно, Иран полагает, что при наличии ядерного оружия он будет в большей безопасности. Однако все как раз наоборот. Если Иран обзаведется им, крупный международный кризис неизбежен — из-за утраты доверия к Ирану со стороны Совета Безопасности, либо же вследствие военной операции против него, которую одна из стран региона, например, Израиль, осуществит вопреки нашим советам.

Поэтому, как я полагаю, перед мировым сообществом сейчас стоят две основные задачи: первая — убедить Иран в том, что обладание ядерным оружием слишком рискованно в стратегическом плане, и вторая — дать Ирану политические гарантии в связи с его опасениями. Что касается операции в

Ливии, я не поддерживал ее и не могу понять Ваших соображений. Эти две задачи кажутся мне ключевыми. Переговоры по иранскому вопросу чрезвычайно важны, и именно так они должны восприниматься всеми членами Совета Безопасности. Следовательно, основных задач две. Помимо разъяснения негативных последствий обладания ядерным оружием, следует предоставить Ирану гарантии его безопасности.

Что касается хода переговоров по контролю над вооружениями, о которых говорил мой друг, я считаю, что сейчас, после взаимного сокращения вооружений Россией и Соединенными Штатами, к процессу должны подключиться другие страны. Это позволит приступить к дальнейшему сокращению ядерных вооружений.

С. Брилев:

Господин Киссинджер, простите, что перебиваю Вас. Затронутая Вами тема очень интересна: надеюсь, мы вернемся к ней позже. А сейчас разрешите задать Вам вопрос. Итак, вопрос господину Киссинджеру. С Ираном все понятно. Но что Вы скажете о таких странах, как Индия и Пакистан? В их случае механизмы взаимного устрашения прекрасно работают, причем согласно тем же принципам, что и в случае СССР и США. Может быть, они не пойдут на открытый вооруженный конфликт именно потому, что у каждого есть ядерное оружие?

Г. Киссинджер:

Во-первых, мы не знаем, по какой причине они не идут на открытый вооруженный конфликт. Полагаю, что уязвимость и несовершенство ядерных вооружений, имеющих в распоряжении каждой из сторон, является сильным доводом в пользу превентивного удара. Однако на практике невозможно заставить Индию и Пакистан свернуть их программы создания ядерного оружия. Поэтому придется подключать эти страны к процессу общего ядерного разоружения.

С. Брилёв:

Далеко ушли мы в нашей дискуссии, Евгений Максимович! Давайте вернемся к базовому посылу.

Е. Примаков:

Я хочу ответить на Ваш вопрос тезисно.

Во-первых, на чем базируется ядерное сдерживание? Теоретически это — возможность ядерного уничтожения противника. Такой ситуации не может быть на Ближнем Востоке, где чересполосица огромная, где рядом Палестина: палестинцы живут здесь же, Иордания здесь, Сирия здесь, Ливан здесь. Со стороны Ирана ядерное оружие там применяться не может, и даже со стороны Израиля оно не может применяться для сдерживания кого бы то ни было.

Во-вторых, ни у нас, ни и у наших американских коллег нет никаких данных о том, что Ираном уже принято политическое решение о создании ядерного оружия. Идет торговля. Я думаю, что Иран сейчас, главным образом, хочет выторговать себе лучшие условия международного существования — тем, что сеет всюду опасения по поводу того, что будет иметь ядерное оружие. С точки зрения распространения ядерного оружия это очень опасно, потому что, опасаясь иранской экспансии, его могут и будут создавать арабские страны. Точно так же, как с Кореей.

Что касается Ливии... Мой друг Генри поднял этот вопрос. Я тоже, как и Вы, полностью против той авантюры, которая имела место в Ливии. Но я должен сказать, что нас обманули, Генри. Обманули наши американские друзья. Нам сказали, что это будет только закрытие неба, чтобы авиация Каддафи не бомбила мирных жителей. Мы понимали, насколько важна такая резолюция, когда уже оставалось несколько суток — и был бы взят Бенгази, поэтому мы пошли на это по просьбе американцев. Но что вышло дальше? Вышло то, что авиацию задействовали, чтобы свергнуть режим Каддафи. Мы, слава Богу, учимся, и уже ученые. Теперь по вопросу с Сирией нас никто не обманет.

С. Брилёв:

Вы произнесли магическое слово, Евгений Максимович: Сирия. Но давайте еще чуть-чуть поговорим про ядерное оружие, потому что, как ни странно, нам всем понятно: дискуссия продолжается.

Есть теория, согласно которой Иракская война была вполне оправданна, потому что под впечатлением от того, что было сделано в Ираке, Каддафи отказался от оружия массового уничтожения — и все равно получил то, что получил. Времена действительно изменились. Вот, например, 50 лет назад с Кубы вывели оружие, но Кубу американцы так и не тронули, потому что с ней были договоренности. Сейчас получается, что договоренности если и работают, то не десятилетиями, а пару-тройку лет.

Пожалуйста, вот вам еще одна провокация — интеллектуальная, если хотите. Евгений Максимович, я, следуя Вашей логике, сейчас скажу следующее: наличие у Израиля ядерного оружия не удерживает арабских соседей от того, чтобы на него нападать. Может ли такой аргумент быть применен в диалоге, например, с Ираном? Все-таки я хотел бы эту тему «дожевать», выражаясь журналистским языком. Доктор Киссинджер.

Г. Киссинджер:

Позвольте мне уточнить свою мысль. Я сказал, что без энтузиазма отнесся к операции в Ливии. Но это совсем не означает, что я был решительно настроен против нее. Существовали разногласия по поводу образа действий. Те, американцы, которые поддерживали ливийскую операцию, были глубоко озабочены состоянием прав человека и последствиями конфликта.

С. Брилев:

Полагаю, речь шла о ядерной программе Израиля и о постоянных возражениях арабских стран против нее. Можно ли это использовать в качестве примера на предполагаемых переговорах с Ираном?

Г. Киссинджер:

Проблема Израиля носит особый характер: это небольшое по площади государство не признано большинством своих соседей. Последние считают, что отказ Израиля от ядерной программы является необходимой уступкой с его стороны для получения дипломатического признания. Европейские же страны считают, что такое признание должно предшествовать переговорам. Это начало, а не конец мирного процесса. Учитывая сложность ситуации, можно понять, почему Израиль принял такое решение.

Однако, по моему мнению, израильская ядерная программа может учитываться при мирном урегулировании в регионе. Но для этого необходимо соглашение, основанное на искреннем стремлении всех сторон к миру: неохотного признания права Израиля на существование недостаточно. Необходимо, чтобы поведение соседних стран изменилось, чтобы они, по крайней мере, не поощряли антиизраильскую пропаганду. Нужно понять, почему Израиль действует так поспешно. Эта страна местами не достигает и десяти миль в ширину, не признана своими соседями и является мишенью для нападков с их стороны. Если ситуацию удастся изменить, необходимо будет принять во внимание и военные приготовления.

С. Брилёв:

Евгений Максимович, давайте обсудим эту тему до конца. Я знаю, что у Вас есть несколько ремарок по поводу услышанного. Потом перейдем к разговору о Сирии: это все-таки отдельная тема.

Е. Примаков:

Я абсолютно согласен с Генри в том, что, может быть, и нужно включить элемент безъядерной зоны в общее урегулирование на Ближнем Востоке, к чему мир когда-нибудь придет. Обязательно нужно включить. Например, Эль-Барадеи, бывший руководитель МАГАТЭ, говорил мне, что когда он был в

Израиле, там эта тема поднималась, и там есть сторонники того, чтобы начать этот процесс. Я думаю, это было бы очень хорошим аргументом и для Ирана — чтобы он не стремился к производству ядерного оружия.

С. Брилёв:

Хорошо, давайте закроем эту тему. Мне кажется, что мы обозначили несколько очень важных системных подходов, с которыми мое поколение склонно играть, вместо того чтобы помнить уроки истории.

Сирия. Я в данном случае немножко рискую, конечно, но как человек, занимающийся телевизионной журналистикой, должен вам честно признаться, что Сирия — одна из самых страшных стран, которые я посетил. Когда тебя среди ночи забирает бронированный «мерседес» и везет к тому же дядьке, который полчаса назад сидел рядом с тобой в костюме, а теперь — в военной форме с автоматчиками... Карикатурности там «выше крыши». Пообщавшись с несколькими знакомыми, я понял, что у меня жизнь не сладкая, поскольку я езжу туда, а уж какая должна быть несладкая жизнь у тех, кто там живет! Россия сейчас тоже говорит, что мы, безусловно, не защищаем режим Башара Асада — мы хотим урегулирования. Но к чему может привести урегулирование, что за иные силы могут прийти к власти в Сирии, чтобы удержать действительно хрупкий баланс на Ближнем Востоке? Евгений Максимович.

Е. Примаков:

Из всего надо извлекать уроки. В чем, например, заключается ливийский урок? Помните, когда по телевидению показывали повстанцев, все держали руки вот так, стреляли в воздух: победа и тому подобное? Эти практически не обученные люди потом взяли Триполи. История покажет, как это происходило, потому что, беру на себя смелость сказать, я не уверен, что находящиеся там французские и британские подразделения не участвовали во взятии Триполи. В западной печати писали, что они прибыли туда для того, чтобы обучать, но я

в этом не уверен: трудно предположить, что люди, абсолютно не обученные, стреляющие в воздух, могли вдруг победить регулярную армию.

Это уже второй вопрос, но нужно знать, хотя бы чисто гипотетически, кто придет к власти, если уйдет Асад. Хочу сказать, что Генри славится аналитическим умом. Я даже скажу Вам в качестве комплимента, не вмешиваясь во внутренние дела Соединенных Штатов, что кто бы ни был избран в ноябре на пост президента, я бы хотел, чтобы Вы на него влияли, потому что это влияние будет в принципе позитивным.

США не извлекли уроков из историй в Ливии и Ираке. Что вы получили в Ираке? То же самое — и в Ливии. Страна на грани полного развала. Племенная вражда, шииты против суннитов. Вражда, которая сейчас началась в Ираке, достигает небывалых масштабов, и это переносится на другие страны. «Аль-Каида» усиливает свои позиции. Хотим ли мы того же в Сирии? А это произойдет неизбежно.

Обратите внимание на одну вещь. Когда «арабская весна» началась, очень многие, и я в том числе, относились к ней позитивно. Но как развивались события дальше? Вначале были мирные демонстрации, а только в двух странах — в Ливии и Сирии — сразу началась стрельба по представителям власти: по полиции, по армии. Началось применение оружия. Больше ни в одной из арабских стран с самого начала такого не было. Кто дал оружие — покажет история.

С. Брилёв:

Евгений Максимович, а может быть, мы недооцениваем американскую политику? Может быть, например, в Сирии она нацелена на то, чтобы от власти ушла шиитская семья, чтобы сунниты заполнили это пространство, чтобы была разорвана сирийско-иранская ось? Может быть, мы недооцениваем американцев, не думая о том, что за отчетный период Brent подорожал, а WTI (West Texas Intermediate) подешевела? Может быть, здесь «собака зарыта»?

Е. Примаков:

Нет, «собаки» здесь нет. Если бы она была, ее, конечно, нужно было бы «зарывать», согласны? Мне представляется, что сейчас в Сирии надо повлиять на обе стороны, чтобы прекратить огонь. Мы влияем на них в меру своих сил и возможностей. Когда я говорю «мы», то подразумеваю Россию, хотя и не вхожу сейчас ни в какое руководство.

С. Брилёв:

Да-да, рядовой налогоплательщик Примаков, мы знаем.

Е. Примаков:

Да. Мы действительно стараемся делать всё для того, чтобы сирийцы не стреляли — сирийская армия и так далее. А они приводят такой аргумент: «Мы готовы принимать демократические меры, но не можем их проводить в условиях, когда у нас идет повальная стрельба против нас». И дают оружие. В основном это арабские страны, но я подозреваю, что не только арабские. Как начинать в таких условиях демократический процесс? Поэтому сегодня, мне кажется, серьезная задача стоит перед Соединенными Штатами и перед нами, в первую очередь. Мы будем давить на правительство, а Соединенные Штаты должны давить на оппозицию — конечно, в том случае, если им это удастся, потому что они слишком демократичны.

С. Брилев:

Господин Киссинджер, должен признать, что я немного преувеличивал.

Г. Киссинджер:

Я хотел бы сразу же прояснить свою позицию. Когда мы затрагиваем спорные вопросы, создается впечатление, что я не одобряю внешнюю политику США.

Но это не так. Я поддерживаю многие из ее основных направлений, хотя и не состою ни в одном из органов власти.

Возвращусь к вопросу о Ливии и Сирии. Можно, конечно, считать, что действия Соединенных Штатов по отношению к этим странам диктуются стратегическим замыслом, предусматривающим расширение американского влияния за счет России и других стран. Однако готов поспорить, что 95% американцев не имеют понятия о том, где расположена Ливия — или не имели на момент начала ливийского кризиса. Проблема имеет следующий вид. Начинается гражданская война в государстве, которое мы признаем, но которое исторически никогда не являлось полноценным государством. Война ведется с большой жестокостью, поскольку в отсутствие национального единства враждующие стороны считают себя чужими друг другу. У многих американцев сразу же возникает мысль о необходимости остановить эти убийства. Вот чем они руководствуются. Но если смотреть на ситуацию со стратегической точки зрения, что произойдет после вмешательства? В Америке многие думают, что при уничтожении одной государственной структуры на ее месте автоматически возникает другая. Однако может случиться так, что не появится вообще никакой структуры. Образуется обширная территория, за которую никто не несет ответственности. Вот негативная сторона ситуации, сложившейся в Ливии.

Сирия — тоже в каком-то смысле искусственное образование. Она была создана после Первой мировой войны путем объединения территорий, населенных друзами и суннитами. Однако в ней живы, помимо прочего, давние арабские националистические традиции. В настоящее время существует угроза разрушения сирийского государства. Большинство американцев считают, что в этих условиях главное — спасти жизнь как можно большего числа людей. Наши оппоненты спрашивают: что вы будете делать, когда государство будет уничтожено? Мы отвечаем, что необходимо садиться за стол переговоров. Но лишь очень немного гражданских войн в мировой истории завершилось переговорами. Вот в чем проблема.

Я не вижу здесь никакого столкновения государственных интересов России и Соединенных Штатов. Они лишь по-разному оценивают последствия. Мне очень не нравится, когда с американской или российской стороны это подается как конфликт между США и Россией. Если говорить о государственных интересах, то ни одна из двух стран не может приобрести в Сирии больших преимуществ. Соглашусь с тем, что для окончания войны требуется давление с обеих сторон. Думаю, что России и Соединенным Штатам следует действовать вместе. Если вы спросите меня, что именно надо делать, я отвечу, что не знаю. Беседуя с глазу на глаз с одним своим другом, чье имя я не могу выговорить, — а иначе я непременно назвал бы его — я спросил его: «Скажи, в чем же именно выход? Что нужно делать?»

В любом случае, надо перестать говорить о конфликте между Соединенными Штатами и Россией. Надо перестать говорить об этом и в США, где такая точка зрения высказывается слишком часто, и в России. Затем мы спокойно сядем и обсудим, на кого из участников сирийского конфликта и как мы можем повлиять, что именно стоит предпринять для сохранения ситуации под контролем. Главная опасность заключается в том, что борьба между представителями различных национальностей и религиозных групп может перекинуться на соседние страны, и тогда локальный конфликт перерастет в региональную войну. В таком случае обе наши страны могут быть вовлечены в начавшееся столкновение. Это станет подлинной трагедией. Вот моя фундаментальная позиция по данному вопросу.

Е. Примаков:

Вы затрагиваете историю. Я тоже чуть-чуть углублюсь в историю. У нас в 20-е годы многие (в основном, троцкисты) считали, что, вне зависимости от того, какие условия существуют в тех или иных странах, в них можно экспортировать революцию: вне зависимости от того, готовы ли там «низы» и готовы ли «верхи» руководить на основе старых методов. Когда Соединенные Штаты хотят экспортировать демократию, они повторяют нашу ошибку.

Демократию экспортировать нельзя: она должна вырастать изнутри. Вот где мы расходимся — не с Вами: я уверен, что Вы мыслите так же, как я. Во всяком случае, я Вам навязываю свои идеи.

С. Брилёв:

Добавлю к этому свое наблюдение. Совершенно случайно получилось так, что напротив нас, буквально в этом секторе, сидят несколько человек из тех стран, которые мы здесь склоняли. Удивительная вещь, это сфотографировать надо: посол Кубы и посол Израиля через два человека друг от друга. Такое только в ООН увидишь, да еще на Санкт-Петербургском экономическом форуме.

А вот, например, сидят молодые люди из Татарстана. Компания «Татнефть» вместе с «РЖД» после событий в Ливии была вынуждена эвакуировать своих сотрудников. Сопровождалось это обещаниями, что новые ливийские власти непременно примут контракты, которые были подписаны между Каддафи и российскими компаниями. Эвакуированные так и продолжают жить в Казани, в Альметьевске. Билет до Триполи заказывать просто некуда. Это ремарка с моей стороны. Я несколько злоупотребляю правами модератора.

Вопрос доктору Киссинджеру. Действительно, что делать с этой ситуацией — трагической и исключительно печальной? Евгений Максимович, я Вас поправить не решусь, но добавлю кое-что. Иной раз экспорт демократии все же бывает успешным — в том смысле, что проходят-таки демократические выборы, но результаты имеются в Секторе Газа, в Египте. Посмотрим, конечно, чем история там закончится, но парламент уже выбран специфический. Получается, что демократия работает против своего оплота. Американцам будет значительно сложнее иметь дело с исламистским Египтом, чем, например, с господином Мубаракком. Что делать?

Е. Примаков:

Вы знаете, нам тоже будет сложнее. Здесь мы в одинаковом положении.

С. Брилёв:

Давайте позволим теперь доктору Киссинджеру побыть российским прорицателем.

Г. Киссинджер:

Мои российские друзья так гостеприимны, что, кажется, намеренно склоняют меня остаться. Я просто не смогу уехать — так мне все здесь нравится. Те, кто следит за спорами, происходящими в Америке, знают, что в данном случае я на стороне меньшинства. Ребенком я жил в тоталитарном обществе и принадлежал к гонимому меньшинству. Поэтому я знаю, что демократия предпочтительнее любого тоталитарного режима. Лично я предпочитаю демократическое государственное устройство и хотел бы, чтобы оно эволюционировало. Но как историк я заявляю то же самое, что заявлял в Америке: эволюция любого общества в определенной степени должна подчиняться внутренним историческим ритмам. Поэтому я оцениваю возможность распространения демократии с помощью оружия более скептически, чем некоторые мои соотечественники. Я согласен с ними в отношении целей и понимаю их мотивы, но при этом высказываюсь за более ограниченное вмешательство в события, происходящие в других странах. Речь идет об оценке перспектив. Поэтому, когда речь заходит о России и Китае, я не соглашаюсь с представителями американских неоконсервативных кругов, хотя и уважаю их мотивы. Но обо всем этом лучше дискутировать в Америке. Я не хочу касаться внутренних американских споров даже в разговорах с людьми, которые мне близки и дороги — как, например, тот друг, чье имя я не могу произнести.

С. Брилёв:

Я должен честно предупредить вас, что есть еще один регулятор — по крайней мере, в этой стране, — который заставляет нас сегодня сделать нашу сессию чуть покороче, а не подлиннее. Как это ни печально, друзья, мы

вынуждены будем отработать всего час, и до конца его осталось пять минут. Я боюсь сейчас предоставлять вам возможность задавать вопросы, потому что тогда нам точно придется поступить несправедливо по отношению к кому-то, и, может быть, прозвучит вопрос специфический, а не основной. Поэтому я, с вашего позволения, все-таки узурпирую право задать, к сожалению, последний вопрос в этой дискуссии. Мне кажется, он очень важен.

Есть один вопрос, над которым хихикают и в России, и в США (что, кстати, тоже сближает наши страны). Доктору Киссинджеру принадлежит историческая фраза: а Европейский союз — это где? Как позвонить в Европейский союз, какой телефон у Европейского союза? Мы, по-моему, особенно и не звоним туда. Сегодня президент Путин говорил о том, что пора переходить от «Восьмерки» к «Двадцатке», менять правила регулирования мирового экономического пространства. Доктору Киссинджеру (я подчеркиваю роль нашего гостя) также принадлежит мысль (и он ее сегодня затронул) о том, что проблемы становятся глобальными, а регулирование — национальным. Но мы видим, что творится в Европейском союзе после его расширения: степень его управляемости резко упала. Так все же — «Восьмерка»? Или «Двадцатка»? Каким должно быть возможное мировое правительство, если вообще можно об этом говорить?

Честно скажу, что, к сожалению, это будет последний вопрос в этой дискуссии. Потом мы вынуждены отпустить наших гостей. Евгений Максимович, давайте начнем с Вас.

Е. Примаков:

После того как президент Путин сказал, что «Двадцатка» имеет преимущество перед «Восьмеркой», я присоединяюсь к этому мнению. Значит, так оно и есть.

С. Брилёв:

Значит, так и есть, конечно.

Е. Примаков:

Генри, что касается того, как трудно произносить мои имя и отчество. Вы можете называть меня просто «Евгений», без «Максимовича», я Вам разрешаю.

Г. Киссинджер:

Трудно мне это дается, но я буду учиться, Евгений. Спасибо!

Е. Примаков:

Большое спасибо!

С. Брилёв:

«Восьмерка», «Двадцатка» — и всё? То есть, если сказано было «Двадцатка», то — «Двадцатка»?

Е. Примаков:

«Двадцатка» — лучше, чем «Восьмерка». Это совершенно ясно, потому что в ней будет участвовать большее число стран. Некоторые страны, которые не входят в «Восьмерку» и должны входить в нее, будут себя нормально чувствовать в «Двадцатке», поэтому я абсолютно согласен. Но это не мировое правительство. Хотя в Европе сейчас дело идет к тому, что, как мне представляется, небольшая группа государств будет идти на углубленную и более масштабную интеграцию. У них появятся какие-то наднациональные структуры, которые будут осуществлять контроль, например, над бюджетной политикой. Это будет у всех стран, входящих в Евросоюз, и в первую очередь в Еврозону. Но о переносе такой схемы на глобальный уровень, я думаю, говорить пока преждевременно.

С. Брилёв:

То есть пока мы находимся на уровне консультаций, не более?

Е. Примаков:

Да, на уровне консультаций. Потому что ни Соединенные Штаты, ни Россия, естественно, не дадут собой командовать. Все-таки существует расстояние между суверенитетом и демократией. Чем больше демократии — тем меньше суверенитета, потому что многие функции передаются на наднациональный уровень. Я считаю, что сейчас это преждевременно.

С. Брилев:

Господин Киссинджер, у нас мало времени, но не могли бы Вы сказать несколько слов о «Большой Двадцатке», международном регулировании и глобальных проблемах?

Г. Киссинджер:

В «Двадцатку», по сравнению с «Восьмеркой», входит больше стран, от которых зависит решение проблемы. Мне приписывают фразу о том, что я не знаю, по какому телефону звонить в Европу. Не помню, чтобы я говорил подобное, но эту фразу цитируют так часто, что я уже готов признать ее своей. Теперь у Европы есть телефонный номер, и она может решить, как ответить на звонок. Урок, который следует вынести из произошедшего кризиса, заключается в следующем: при образовании нового института необходимо продумывать его дальнейшее развитие, а не только первоначальные шаги. В Европе создали валютный союз без согласования общей налоговой политики. Умом они понимали, что нормально работать это не будет, но думали, что немедленные выгоды от создания валютного союза позволят в будущем справиться с проблемами. Для выправления ситуации необходимо тщательно продумать направления дальнейшего развития. С одной стороны, мы видим глубокий кризис. С другой стороны, у Европы большие возможности. Нет оснований полагать, что Европа, с ее богатством и высокообразованным населением, не сможет решить подобную проблему. Думаю, нынешнему

поколению политиков стоит учиться на ошибках предшественников. Но при этом их предшественники, хотя и совершали ошибки, все же добились поразительных результатов.

Разрешите вернуться к мысли, высказанной около получаса назад...

С. Брилев:

Евгением Максимовичем.

Г. Киссинджер:

Я испытываю к нему огромную привязанность. В течение нескольких десятилетий мы вели с ним острые споры и сообща находили решения. Я отношусь к нему с большим уважением.

Коснусь противоракетной обороны — но не с технической, а с концептуальной стороны. Стратегия взаимного сдерживания предполагает, что можно рассчитывать на уничтожение населения противника. Правда, это нездоровый принцип, который не может служить твердым основанием для национальной политики. Но сегодня, в условиях распространения ядерного оружия, ни один политический лидер не может допустить, чтобы население его страны вечно находилось под угрозой. При этом я понимаю позицию России: защищая население своей страны от последствий распространения ядерного оружия, не следует создавать условия, благоприятствующие превентивному удару. Именно поэтому некоторые из нас настоятельно советовали объединить системы противоракетной обороны. Об этом и вы, и я говорили на других форумах. Не буду сегодня углубляться в эту тему. Нам следует думать о защите людей от последствий распространения ядерного оружия в условиях, когда возможность начала ядерной войны между нашими странами, по моему мнению, равна нулю. О противоракетной обороне следует говорить именно в таком контексте, а не в контексте ядерного нападения Америки на Россию: это для меня практически невообразимо.

С. Брилёв:

Киссинджер уедет, и мы ему тут косточки-то перетрем! Правда, Евгений Максимович?

К сожалению, мы должны были закончить две минуты назад. Это, поверьте, зависит отнюдь не от меня, а от человека, чьи имя и отчество мы все легко выговариваем.

Большое спасибо нашим участникам! Мне кажется, что у нас у всех за последний час прибавилось ума. Большое спасибо Вам, доктор Киссинджер!